

Кондратий Биркин

Карл I

Часть сборника
Временщики и фаворитки

Кондратий Биркин

Карл I

«Public Domain»

1870

Биркин К.

Карл I / К. Биркин — «Public Domain», 1870 — (Временщики и фаворитки)

ISBN 978-5-457-11410-4

«Перья французских романистов и кисти французских живописцев окаймили отрубленную голову Карла I такой лучистой ореолой мученика, что у нас едва хватает духу говорить о нем как о человеке обыкновенном, даже довольно слабом и бесхарактерном. При имени Карла I (мы уверены) в воображении просвещенного читателя является портрет Ван Дейка: гордо подбоченившаяся фигура и худощавое лицо с закрученными усами и остроконечной бородкой; лицо, имеющее некоторое сходство с лицом кардинала Ришелье, только без выражения лукавства, свойственного последнему...»

ISBN 978-5-457-11410-4

© Биркин К., 1870
© Public Domain, 1870

Кондратий Петрович Биркин

Карл I

Джордж Вильерс, герцог Бекингэм. – Томас Уэнфсуорт, граф Страфффорд (1625–1649)

Перья французских романистов и кисти французских живописцев окаймили отрубленную голову *Карла I* такой лучистой ореолой мученика, что у нас едва хватает духу говорить о нем как о человеке обыкновенном, даже довольно слабом и бесхарактерном. При имени *Карла I* (мы уверены) в воображении просвещенного читателя является портрет Ван Дейка: гордо подбоченившаяся фигура и художавое лицо с закрученными усами и остроконечной бородкой; лицо, имеющее некоторое сходство с лицом кардинала Ришелье, только без выражения лукавства, свойственного последнему... Или читателю приходят на память картины Поля Делароша: «*Карл I, оскорбляемый солдатами Кромвеля*», «*Прощание Карла I с семейством*», «*Кромвель над гробом Карла I*» – картины, знакомые по многочисленным копиям и литографиям. Бесспорно, последний год царствования этого несчастного сына Якова Стюарта был для *Карла I* годом тяжелых испытаний, обид и мучений, от которых его наконец избавила смерть на эшафоте... Но он царствовал двадцать четыре года, и каждый из них можно назвать ступенью лестницы, возведшей несчастного *Карла I* на эшафот или – низведшей его с высоты престола на степень простого гражданина, преступившего закон и наказанного *по закону*. Он страдалец и мученик – бесспорно! Однако же нельзя не обратить внимание на причины его страданий и мученической смерти. Эти причины – его ошибки и заблуждения: его неуважение к закону и к правам народным, которые он был обязан чтить и охранять свято и ненарушимо. Он сам себе сплел терновый венец мученика и сменил на него венец королевский; жить не умел, но зато умел умереть, и в этом единственная его заслуга в глазах потомства. Не соразмерив своих сил, не имея необходимой к тому энергии, *Карл I* отважился вступить в борьбу с народом, и его падение было неминуемым и весьма естественным следствием непосильной отваги.

Карл родился в Думферлинге, в Шотландии, 29 ноября 1600 года. Он был третьим сыном короля Якова и королевы Анны; после смерти старших братьев, Генриха и Роберта (в 1616 году), был провозглашен наследником престола. В детстве прелестный, кроткий и покорный ребенок, *Карл* в юности отличался если не особенно богатыми способностями, то старанием в учении и склонностью к богословским и философическим диспутам. Неприятно набожный, он свято чтит постановления англиканской церкви, сохраняя при этом дух веротерпимости в отношении вероисповедания католического. Свидетель распутств своего отца, *Карл* не осмеливался выказывать ему своего негодования и смиренно молчал во всех тех случаях, когда даже имел полное право заметить отцу все неприличие его поступков. Король Яков не любил ни правды, ни прямоты; вследствие этого *Карл* постепенно приучил себя ко лжи и лукавству, и эти пороки (приличные рабу, но в монархе непростительные) развились в нем с годами, чему немало способствовал и Бекингэм, не замедливший подчинить наследника престола своему влиянию, подавлявший в нем добрые чувства и всеми мерами способствовавший нравственной его порче. Этому демону удалось сделать труса – из человека миролюбивого, криводушного – из правдолюбца. Сначала *Карл* не ладил с временщиком и пытался свергнуть с себя его непрошеную опеку; но однажды после горячего спора, при котором Бекингэм позволил себе поднять на него руку, сын Якова Стюарта смирился и признал над собою власть отцовского любимца. Когда испанский посланник Гондомар предложил королю Якову породниться с Филиппом IV путем бракосочетания *Карла* с инфантою, доною Мариєю, Бекингэм (подкупленный испанским золотом) сумел

обольстить неопытного юношу рассказами о прелестях его нареченной невесты и победить в нем невольную к ней антипатию.

Во время пребывания Карла в Мадриде Бекингэм, не гнушаясь ролью сводника, всячески старался содействовать принцу к одержанию преждевременной победы над сердцем инфанты, гордой дикарки, воспитанной в правилах крайнего ханжества и инквизиционной нетерпимости. Когда же дальнейшие действия мадридского кабинета доказали тупоумному Якову, что сватовство было только хитрой мистификацией со стороны короля испанского, Бекингэм с не меньшим усердием начал стараться о женитьбе принца Карла на сестре короля французского Людовика XIII принцессе Генриэтте. Он в качестве свата ездил в Париж и уладил этот несчастный брак, ознаменовав пребывание свое при дворе Людовика XIII скандальной интригой с его супругою. 11 июня 1625 года принцесса Генриэтта прибыла в Дувр; 12-го числа того же месяца совершилось ее бракосочетание с Карлом I в Кантербьюри, а 16-го происходил торжественный въезд новобрачных в Лондон. Радостно приветствовал народ доброго короля и его прелестную супругу; но восторг его был бы еще живее, если бы в толпе царедворцев, на первом месте, не торчала красивая, но всем ненавистная фигура надменного Бекингэма. Некоторые из зрителей, глядя на него, разодетого в парчу, бархат и с головы до ног осыпанного жемчугами и бриллиантами, называли Бекингэма «гробом повапленным». Другие, еще того остроумнее, сравнивали его с «содомским яблоком», одним из растущих, по сказаниям библейским, на берегах Мертвого моря; эти прекрасные, румяные и на вид сочные плоды наполнены гнилью и смрадом... Таков и действительно был герцог Бекингэм – величавый красавец, у которого сердце было точно так же испорчено, как сердцевина в содомском яблоке, да и сам он в начале блестящей своей карьеры был истинным содомитянином.

Брачные пиршества продолжались два дня; на третий (18 июня) королем был созван парламент. На этом шумном собрании высшего дворянства и выборных от народа по предложению Карла I обсуждался вопрос о выдаче субсидий для продолжения войны с Испанией, начатой по желанию народному. Парламент сначала отвечал королю отказом; когда же Карл решился настоятельно требовать субсидий, ему предложили вместо необходимых 700 000 только 120 000 фунтов стерлингов. Впервые, со времени своего существования, парламент обнаружил такое дерзкое своеволие. Он вступил в открытую борьбу с королевской властью не из ненависти к Карлу I, нет! но единственно из нежелания повиноваться Бекингэму, устами короля вздумавшему повелевать парламентом. Временщика ненавидели все столько же, сколько и боялись. Вернейшими его клеветами были в это время архиепископ Лауд и знаменитый чернокнижник и астролог доктор Лэм. С обеими королевами, родительницею и супругою Карла I, Бекингэм обходился с непозволительным высокомерием. Однажды, когда молодая королева напомнила временщику о великом расстоянии между ним и ею, Бекингэм дерзко отвечал:

– У нас, в Англии, иным королевам и головы рубили!

Жалоба, принесенная королевою ее супругу, была оставлена им без внимания. Он сознавал весь стыд быть во власти временщика и не имел духу столкнуть его с той высоты, на которую он забрался еще при покойном Якове I.

Невзирая на отказ парламента королю в выдаче ему субсидий, война с Испанией продолжалась на деньги, занятые у вельмож и косвенными податями выжатые из народа. Экспедиция Бекингэма в Кадикс, безуспешная и позорная, пуще прежнего ожесточила парламент и народ. При заседании обеих палат 9 мая 1626 года пэры и депутаты настоятельно требовали от короля увольнения Бекингэма и предания его суду как государственного изменника. Вместо того чтобы уступить народному требованию, король распустил парламент, сурово объявив ему, что отныне будет управлять государством без сотрудников. «Советовать мне можно, – сказал он при этом, – но водить себя на помочах не позволю никому...» Никто при

этом не досказал: «кроме Бекингэма!» Депутаты, особенно настойчиво требовавшие увольнения временщика, сами были отправлены в Тауэр. Для покрытия издержек на неудачный испанский поход король прибегнул к внутреннему займу, к увеличению налогов, к которым присоединился новый – именно: военный постоя, насильно навязанный городским и сельским обывателям. Буйная солдатчина, по обыкновению, принимая дома сограждан за завоеванные у неприятелей, бесчинствовала, оскорбляла жен и дочерей, силою отнимала у мужей и отцов последнее имущество. На эти насилия и вообще на последние распоряжения короля депутаты принесли ему формальную жалобу. При этом особенно горячо отстаивал народные права депутат *Томас Уэнфсуорт*. За эту дерзость он был заключен в Тауэр, впрочем, ненадолго. Сознавая, что депутат был прав, Карл I заменил тюремное заключение высылкою Уэнфсуорта в графство Кент. Таким образом, истинные сыны отечества подвергались опале, а временщик, достойный виселицы, торжествовал и кичился пред многочисленными врагами. Гнусные его поступки, подобно едкой кислоте, пятнали королевскую порфиру, и она тлела на плечах Карла I неприметно для него самого. С этого времени парламент и король составили два враждебных лагеря, готовившихся к борьбе за главенство над народом. Карл ссылался на свои права родовые; парламент на свои права приобретенные, дарованные ему законом и древнею хартиєю... Стоглавая гидра республики готовилась ринуться на змея деспотизма, пытавшегося опутать Англию своими кольцами. Уступить народу не позволяло Карлу I чувство собственного достоинства; бороться с народом было ему решительно не под силу... Как утопающий за соломинку, он держался за Бекингэма.

Презренный временщик между тем тратил время и деньги на волокитство, продолжая вести свою интригу с Анной Австрийской. Людовик XIII не пожелал его принять в качестве посла, и Бекингэм решил вторгнуться во Францию как полководец. За предлогом к объявлению войны дело не стало: помощь кальвинистам была предлогом самым благовидным, к которому даже и парламент не мог отнестись несочувственно. Французская кампания 1627 года началась экспедицией графа Денби, зятя Бекингэма, на остров Ре. Она окончилась точно так же позорно, как и экспедиция в Кадикс. Потеряв без толку множество людей, Денби со стыдом возвратился на родину. Кальвинисты Ла-Рошели, оставленные без помощи, испытали всю тягость мщенья, обрушенного на них кардиналом Ришелье. Все эти неудачи принудили Карла I созвать парламент в третий раз (17 марта 1628 года). Заседание открылось очень мирно и дружелюбно. Члены верхней палаты в лстивых своих речах называли короля *святилищем добродетелей*; депутаты держали себя скромно и почтительно. Это было затишье перед бурей: она разразилась с обеих сторон, когда король отклонил просьбу парламента о возвращении ему прежних прав, а сам в то же время потребовал субсидий от парламента... И на этот раз заседание окончилось подобно предыдущим, и некоторые из членов нижней палаты со своих скамеек попали в Тауэр. Герцог Бекингэм, вопреки воле народной, был объявлен главнокомандующим армии и флота для новой экспедиции в Ла-Рошель. Флот был собран на Темзе; сухопутные войска были сосредоточены в Гаспорте и Фарнгаме. На этот раз ярость народная уже не знала предела, и жертвою ее, предтечею Бекингэма, пал достойный его клевет доктор Лэм.

В глазах простого народа – чернокнижник; в глазах людей образованных – торговец ядами, отъявленный мошенник и преступник, неоднократно избавленный от суда благодаря ходатайству своего патрона, доктор Лэм не миновал наконец своей участи. Поздно вечером 18 июля 1628 года он возвращался из театра и проходил через Сити – квартал, населенный чернью и обильный трущобами. Несколько уличных мальчишек, заметив Лэма, стали его преследовать с криками: «колдун! дьявол!!» Доктор, выбежав из Сити в Чипсайд, попросил встретившихся ему матросов защитить его от уличников, и матросы, благодаря щедрой подачке, полезли в драку... За мальчишек вступились взрослые, и произошло побоище нешуточное. Пользуясь суматохой, Лэм бросился в ближайшую таверну; но хозяин, опа-

саясь, что ее разнесут по камням, выгнал доктора на улицу. Началась травля несчастного, травля, на которую может быть способна только буйная чернь, в остервенении своем всегда превращающаяся в дикого зверя. Лэм, преследуемый сотнями полупьяных мастеровых, рыбаков, лавочников и матросов, бежал по улице, осыпаемый комьями грязи и булыжниками. С разможенной головой, с переломанными ребрами, залитый кровью, полурастерзанный, он был поднят на мостовой и перенесен в Комтерскую тюрьму, где и умер. Всю ночь по всем улицам Лондона раздавались веселые крики: «Дьявол окошел! Дьявол издох!!» В это же время, неведомо чьей рукой, портрет Бекингэма, висевший на стене в верховном суде, был сброшен на пол.

Когда Карлу I донесли о беспорядках в Сити, он, в наказание тамошних обывателей, лишил их прежних привилегий и преимуществ. «И герцогу будет то же!» – отвечали граждане. На новые угрозы короля они отвечали, вывесив на воротах Сити надпись, что «герцогу Джорджу не миновать участи доктора Лэма!».

Должно заметить, что чернокнижник всегда уверял герцога, будто между их бытием есть таинственная связь и смерть одного будет предзнаменованием близкой смерти другого. Бекин-гэм, эта *красавица* в мужском теле, был суеверен, как последняя рыночная торговка. Весть об убиении Лэма поразила его как громовой удар, и он в предчувствии гибели решился отказаться от начальства над войсками... На этот раз, впервые в жизни, Карл I приказал любимцу повиноваться королевской воле. Будто сама судьба устами короля говорила Бекингэму в эту минуту: что посеял, то и жни!

Как в армии, так и во флоте, при совершенной разнузданности, господствовал дух неповиновения и ненависти к герцогу, которого вместо радостных кликов приветствовали ропотом, чуть не бранью. Жители городов, через которые следовали военные отряды, смотрели на них как на шайки разбойников, и солдаты своими бесчинствами вполне оправдывали это нелестное о них мнение. Напутствуемые проклятиями сограждан, они сами проклинали ту власть, которая посылала их на смерть ради прихоти пустоголового баловня счастья. Каждый солдат задавал себе вопрос: да из-за чего мне подставлять лоб под пулю? Что мне французские кальвинисты и что я им? Миновали для короля английского те блаженные времена, когда солдаты по мановению его руки очертя голову шли в огонь и в воду, подуськиваемые криком: «*За короля и отечество!*», хотя бы война была объявлена из-за какого-нибудь поношенного башмака его величества... Теперь народ рассуждал и мыслил, а здравый смысл в народе – самый мощный реактив деспотизму. Потому-то деспоты всегда так и радели о невежестве народном, употребляя все средства для наложения тормозов на народное образование. Не стадо покорных волов, ведомых на убой, встретил Бекингэм в королевских войсках; это были стада разъяренных зверей, способные растерзать смельчака, воображающего, что он может быть их укротителем. В Гаспорте солдаты взбунтовались, и при усмирении бунта четверо были убиты. В городе Ботлее между ними и горожанами произошло весьма серьезное столкновение. В Спидгете матрос нагрубил Бекингэму и за это был арестован, но товарищи, смеясь над властью, выручили его из-под ареста.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.